

Известный казахский писатель Адам Мекебаев (1940–2014), уроженец Кармакшинского района Кызылординской области, выпускник Казахского государственного университета, окончил Высшие литературные курсы при Литинституте в Москве, работал инструктором в Министерстве культуры КазССР, в Госколлегии сценаристов, газете «Қазақ әдебиеті», журналах «Жұлдыз», «Ақ желкен», «Ақиқат». Известен десятками прозаических книг, среди которых повести «Лебединая печаль» и «Суховей», вышедшие в Москве в издательстве «Советский писатель». В 2009 году в серии «Библиотека Сырдарьи» издан двухтомник его прозы. В 2015 году Министерством культуры и спорта был выпущен в свет трехтомник произведений Адама Мекебаева, а в 2020 году – книга «Тайник в степи» на русском языке. Дукенбай Досжан отмечал глубокий философский смысл, отличающий прозу Адама Мекебаева.

АДАМ МЕКЕБАЕВ

НЕВЕСТА

Рассказ

I

Чудилось во сне, что вернулась она в свой родной город. И удивлялась: высокие каменные дома стали еще выше, казались воздушными, похожими на дворцы. О Создатель, восхищалась она, неужели безжизненные предметы тоже растут? И так красиво? В удивлении бродила среди чудесных строений, выискивая свой дом, который она видела каждый день и который теперь, наверное, тоже изменился. Нет, её дом остался всё таким же: невысокий, стены белые, деревянная дверь немного покосилась. Она осторожно приоткрыла её, ожидая, что кто-нибудь выскочит ей навстречу. Ведь в доме всегда было полно детей, теперь же она увидела только мать. Да и та, словно бы не узнавая её, подошла не спеша, безмолвно взяла за руку. На ней было белое платье, лицо – скорбное...

– Мамочка! – воскликнула Гульшат, испытывая и радость, и отчего-то страх. – Я соскучилась по тебе! Почему ты молчишь? Обиделась, что я долго не приезжала? Да ведь это всё дядя Казыбай. Поживи, говорит, у нас, попей молочка! Мама...

Мать молча обняла её, и пальцы вдруг стали цепкими, она сжала Гульшат за локти и всё сильнее притягивала к себе. Это не было похоже на материнскую ласку, к которой она привыкла... А мать уже целовала её лицо, глаза, губы. Руки её становились всё более грубыми, и Гульшат почувствовала, что задыхается.

– Мама! – закричала Гульшат в испуге. – Что с тобой?! Отпусти меня! Отпусти-ти!

– Ха-ха-ха! – вдруг рассмеялась мать. – Оказывается, я прихожусь тебе матерью! Ха-ха-ха!

О ужас! Гульшат, оказывается, обозналась. Это была не мать, а ведьма...

– Мыстан-кемпир! – ужаснулась Гульшат, вырываясь из объятий.

Какой страшный лик у этой образины: морщины на лице – как змеи, зубы клыкастые, готовые загрызть кого угодно, глаза – черные и бездонные. Язык облизывает губы в ожидании свежей крови... Гульшат хотелось бежать, но ноги не слушались, онемели от страха. А Мыстан-кемпир снова тянула к ней руки и, зная, что она будет звать людей на помощь, пыталась закрыть ей рот.

– Мама! – закричала Гульшат, казалось, теряя сознание от страха, и проснулась.

Первое мгновение ничего не могла понять, но после почувствовала, что какая-то тяжесть не дает ей повернуться. Чьи-то жесткие руки сжимали её тело, раздевали...

И тогда она закричала еще раз, теперь уже испугавшись навалившегося на нее дьявола. И с этим криком тяжесть исчезла, словно бы её и не было.

– Что случилось? – тревожно спросил дядя Казыбай спросонок. – А?

– Гульшатжан, что с тобой? – встрепенулась и его жена. – Приснилось что страшное?

Дядя с женой спали с правого края юрты, а рядом с Гульшат слышалось спокойное дыхание Орынбая. Он пришел к ним под вечер, ужинал, да так и остался...

– Ложись с дитем! – сказал дядя жене. – Не то снова испугается.

Тетя молча перешла к Гульшат, осторожно пошарила рукой по одеялам и тихо опустилась рядом. Прошептав ласковые слова, она погладила племянницу по плечу и ужаснулась: тело было мокрое, словно только что из воды, и мелко дрожало. «Не заболела ли? – подумала Жамиш, и тут же её охватило подозрение. – Неужели Орынбай хотел позабавиться с ребенком? Такой образованный джигит! Тихий, молчаливый. Нет! Он не посмел бы...»

Жамиш, успокаивая племянницу, легко поглаживала её рукой, чувствуя, как девушка затихает. Гульшат действительно стало легче, когда рядом оказалась тетя, испуг прошел, но осталось чувство чего-то гадкого, словно бы к ней прикоснулась лягушка. И было стыдно, словно бы она в чем-то виновата.

Гульшат выросла около матери, и если и приходили к ней с возрастом мечты о любви, то они точь-в-точь напоминали вычитанные в книгах – приятные, легкие и немного чудные, она и верила им и не верила. В мечтах ей представлялось – вот подойдет к ней однажды высокий джигит, ласково возьмет за руку и уведет на край света; им двоим будет принадлежать весь мир – и деревья, и птицы, и песни. Ей непременно виделся прекрасный солнечный день, и поэтому происшедшее в вязкой темноте юрты показалось еще более ужасным. Было такое чувство, будто она долго несла кувшин и вдруг нечаянно разбила...

– Отчего ты испугалась? – услышала она слова тети. – Задохнулась или что приснилось?

Жамиш говорила шепотом, стараясь не разбудить мужа, и Гульшат стало жаль тетю, которая, словно мать родная, так беспокоилась о ней.

– Приснилось, – тихо ответила она. – Страшно было...

И с этими словами снова вернулся страх, и она лежала, глядя в темноту юрты, и боялась закрыть глаза. Вскоре послышалось ровное дыхание тети: вымученное работой, её тело просило отдыха. Гульшат подумалось на секунду, что она совсем одна, и захотелось плакать. Но и плакать она не могла, чтобы не разбудить никого – да и что бы она ответила, если бы спросили? Теперь она поняла, что это Орынбай обнимал её, целовал и тискал. Ей померещилось в темноте, что нависло над нею его потное лицо, точно такое, каким она видела его несколько дней назад. Он и тогда посмотрел на нее пристально, улыбнулся, блеснув белыми зубами. Волосы у него сваялись от пота и пыли, спадали кисточками на покатый лоб, и взгляд был какой-то тяжелый. Под белой рубашкой

выпирали мускулы, и Орынбай будто бы хвастался ими, не торопился уходить, а после оглянулся на нее. Он ведь ничего ей не сказал, похоже, был не очень-то говорлив. А при первой встрече они только поздоровались, и Гульшат подумала тогда: «Молчит, значит, не заметил». И как-то даже ей обидно стало, вспомнились слова женщин о том, что женатые мужчины любят поглядывать на девушек, поговорить с ними. Она пыталась зачем-то представить, какая у Орынбая жена, а он оказался холостым. Соседки как-то о нем говорили, и Гульшат ревниво подслушала: Орынбай не так давно закончил учебу и получил сюда направление. Родные его места всё же далековато, и поговаривают, отработав положенное, он не задержится. Ветврачи везде нужны, так что забот с устройством у него не будет. Обо всём этом, сама не зная зачем, думала Гульшат и решила, что Орынбаю, как «начальству», не годится с нею смешками перекидываться и заводить разговор. Но на этом не успокоилась и, бывало, поглядывала не него быстрым взглядом, стараясь, чтобы никто – даже он сам – не заметил; всё же задел он её чем-то, наверное, тем, что не обратил внимания. Узнала она чуть позже, всё от тех же соседок, что Орынбай похаживает к Айше, и почувствовала себя так, будто бы её обманули. Посмеялась над собой: ведь Орынбай ей ничего не обещал. Впрочем, она не очень-то поверила сплетням: разве Орынбай мог опуститься до того, чтобы ходить к женщине, которой перевалило за сорок. А самому-то – лет двадцать пять, не больше. К тому же у Айши есть муж, законный муж – Шарип. Разве он терпел бы такое?

Кто поймет чужую душу? И откуда Гульшат было знать, терпел бы Шарип или нет, но вот сама она всё больше думала о джигите. А он стал бывать у дяди всё чаще, обедал, а вчера остался ночевать. И вот чем это закончилось... И тут ей в голову пришла мысль о том, что, быть может, это и есть любовь. Возможно, Орынбай любит её, и надо было промолчать, не кричать? А она испугалась, как маленький ребенок, закричала. «Что за мысли! – одернула себя Гульшат. – Разве такой бывает любовь? А где же солнечный день? Где радость? И отчего я испытала только страх и отвращение? Да и мать, помнится, говорила, что влюбленные довольны взглядами и не требуют никаких жертв...» Гульшат похвалила себя за то, что закричала и вырвалась из рук Орынбая. Она хотела бы его оправдать, но разве человек с чистыми помыслами решится на такое? Нет! Только воры и злодеи пользуются темнотой.

«Зачем ты затеял это всё?» – спросила она мысленно джигита и сама испугалась вопроса, словно бы кто-нибудь мог её услышать. Стараясь не расплакаться, она зажала себе ладошкой губы и думала о том, как утром посмотрит в глаза тете и дяде. Уже теперь ей было стыдно...

Казыбай приходился родным братом матери Гульшат. Они всегда жили дружно, и, когда мать с Гульшат перебрались в город, близость их не ослабла. Напротив, учившийся в городе сын Казыбая – Айбат – часто заходил к ним, не забывая, а Гульшат, только закончила учебу, сразу же приехала на джайляу. Айбат должен был появиться немного позже. Обычно в честь возвращения сына дядя Казыбай и тетя Жамиш устраивали для соседей той – резали барана, варили плов. Гульшат помнились такие вечера, потому что гости разговаривали, весело шутили, пели песни, и, казалось, все были довольны. Дядя и теперь готовился, и ждали только приезда Айбата. Гульшат представляла, сколько будет радости и веселья. В семье дяди она чувствовала себя как дома. Дядю ласково называла коке, а тетю – женеше. Они были всегда ей рады, и Гульшат это ощущала каждую минуту. Ей нравился простор, где всё привычно и мило, и озера, в которых такая чистая вода, и камыш – он всегда шелестит о чём-то, – о чём, не поймешь. На зеленых пастбищах виднелись светлыми пятнами стада, солнце в эти летние месяцы всходило рано, и хоро-

шо было просыпаться по утру и знать, что впереди целый день. Гульшат прожила у дяди две недели, а ничуть не соскучилась по дому. Разве что иногда вспоминала о матери и тревожилась – как она там одна...

II

В юрте было еще темно, а в степи уже начинало светать. Резче обозначились вершины холмов, стали различаться камыши, пастбища. Подавали голоса петушки, задорно кричали, радуясь наступлению нового дня. Звезды давно поблекли, ушли, и небо становилось всё светлее. Наконец оно покраснелось с востока, и остатки ночи хоронились только в густых камышах, которые в эти удивительные минуты стояли тихо-тихо, не шелохнувшись.

Заворочался под одеялом дядя Казыбай, проснулась тетя. Она резким движением скинула с себя одеяло и быстро оделась. Гульшат закрыла глаза, притворившись спящей. Жамиш ласково погладила её и вышла из юрты. Вскоре Гульшат услышала, как она взяла ведра – они звякнули в утренней тишине, – и отравилась доить коров. Двадцать коров – это не шутка, а молоко надо было сдать до наступления жары. Поэтому Жамиш приходилось вставать рано... Казыбай тоже вскакивал чуть свет, но сегодня он что-то не торопился. Да и после, уже одеваясь, медлил, словно бы не было у него совершенно никакого дела. Оделся, еще постоял, взглянул на спящих и вышел. Послышались его шаги. Когда он откинул тундик, в юрте стало еще светлее. Гульшат слышала его покашливание, слышала, как тетя прокричала:

– Тебя что, привязали там?! Помоги отогнать телят, не то я к полудню не поспею.

– Чего кричишь, – громко отозвался дядя. – Тарантул тебя укусил? Или думаешь, от твоего крика я под землю провалюсь? Нет, не провалюсь. – И добавил: – Гульшатжан, вставай! Поставь самовар!

Гульшат даже удивилась: дядя никогда не говорил так много и никогда не заставлял её вставать. Напротив, он просил её поспать подольше, особенно в такую рань. Но – поднялась, торопливо оделась и, не смея взглянуть на Орынбая, хотела было выйти, но не удержалась и уже в двери оглянулась. Орынбай смотрел на нее спокойно, не мигая, и взгляд у него был всё такой же тяжелый. Тут она выскочила из юрты так, будто бы ей сыпанули под ноги угли.

Казыбай, увидев племянницу, направился к жене отбивать от коров жадных до молока телят, чтобы не мешали доить. И проворчал тихо, но так, что Гульшат всё же услышала:

– Воспитанный, ученый... Мы на него надеемся, а он...

Сердце Гульшат замерло, а затем забилось сильно, как ночью. Она опустила голову и принялась за дело. Надо было нащипать лучины и зажечь огонь. Она слышала, что из юрты вышел Орынбай, привел своего коня и стал седлать. Потом он подошел к ней и, вроде бы шутя, предложить помочь. Она ничего не ответила, головы не подняла и только подумала: «Скрылся бы ты поскорее с глаз моих!»

Орынбай хмыкнул: подумаешь! И было понятно, что дожидаться, пока заварят чай, он не станет. Но весь его вид говорил, что он хотел сказать ей что-то ласковое. Заговаривать больше он не заговаривал, и вскоре Гульшат услышала конский топот. Ей стало немного легче, словно бы камень с души свалился; она взглянула на пастбище и увидела, что всадник уже далеко. И облегченно и радостно вздохнула.

Она даже задвигалась веселее, поклявшись мысленно не вспоминать того, что было ночью. Быстро раздула самовар, прибрала постель, помешала айран. Тут и самовар поспел. Она быстро заварила свежий чай и смотрела вокруг, вы-

искивая себе какую-нибудь работу. Когда тетя закончила доить коров, они с дядей пили в юрте чай, а Гульшат слонялась без дела. Идти в юрту она просто не могла, было стыдно и не хотелось встречаться глазами с дядей и тетей. После она затеяла стирку. Жамиш вышла из юрты, увидела и взмолилась:

– Гульшатжан! Солнышко мое, отдохни немного, погуляй. Для работы будет и завтрашний день.

Гульшат ничего не ответила, продолжала стирать, и казалось ей, время побежало быстрее. Солнце взбиралось всё выше, припекало всё сильнее. И наступил полдень. Было жарко, но идти в юрту не хотелось, и она присела в тени какра¹, чувствуя, что немного устала, и тут же полезли в голову ночные мысли. Казалось, и день померк, так вдруг нерадостно стало. Отмахнуться бы от них – а не могла; не хотелось никого видеть, слышать не хотелось, и подумалось, ушла бы от юрты и пошла куда глаза глядят.

– Милая ты моя, – сказала Жамиш, выйдя из юрты и увидев племянницу. – Солнце напечет тебя, голова заболит...

От неожиданности Гульшат даже вздрогнула, взглянула на тетю и спросила, куда та собирается.

– Пойду взгляну на телят. Вчера один убежал, еле нашла. От безрогой буренки, помнишь? Пойду, не то завязнет где-нибудь.

– Тетя, давайте я сбегаю?

– Иди в юрту, отдохни. Сама справлюсь.

Но Гульшат всё же уговорила её, потому что не хотелось ей сидеть дома, оставаясь наедине со своими мыслями, и побежала в сторону Аккешпе. Легко бежала, словно бы её долго держали взаперти, а теперь она вырвалась на свободу. Всё дальше и дальше от аула, туда, где в полуденном мареве над степью мерещились отары, где зной казался еще сильнее. Но это её мало заботило, плохие мысли пропали, словно бы испарились от жары. Весело стало, и она даже подпрыгнула от этого веселья и убежала всё дальше.

III

Орынбай отъехал от юрты Казыбай в мрачном настроении: Гульшат не стала с ним разговаривать. «Ничего, – успокоил он тут же себя. – Разговорится... Жена Казыбая сказала, что она закончила девятый, значит, ей шестнадцать-семнадцать. Впрочем, – посмеялся он, – какое мне дело до её возраста. Главное, что она созрела и выглядит вполне взрослой...»

– Красавица, ничего не скажешь, а уж если взглянет на тебя своими черными глазами... – Орынбай и не заметил, что заговорил вслух, ругнулся и сказал: – Что это я? Заговариваюсь... Если бы о моих мыслях прознал Казыбай, отправил бы меня в преисподнюю. А если бы проведал, что женат...

Орынбай довольно посмеялся и стал думать, что ночью поступил несколько опрометчиво. «Погорячился, – решил он. – Надо было лаской, нежными словами, девушки это любят. А я накинулся на нее, как голодный волк на овцу, всполошил всех. Возможно, Казыбай догадался...» И Орынбай покачал головой, подтверждая, что так оно и есть – не зря же ворчал около юрты.

...Казыбай никогда не приглашал Орынбая в гости, не выказывал особенного дружелюбия, но и неприязни не испытывал, и весь вид его говорил: «Хочешь – приходи, не хочешь – обижаться не будем». А что ему было делать? Гостию не прогонишь: испокон веков такой обычай, гость – первый человек. Казыбай, как большинство пастухов, жил простой жизнью, привык обходиться малым,

¹ Помещение для подсобного хозяйства, построенное из камня.

и того, что у него было, ему и семье вполне хватало. Наверное, поэтому он и был независим. На чужое не зарился и не терпел неправды. Это Орынбай понял однажды на собрании. Он говорил, что коровам не дали вовремя прописанное лекарство, хорошо говорил, вернул одно словечко из латинского и надеялся, что кое-кого припугнет.

– А сам-то ты куда глядел? – перебил его Казыбай и обвел взглядом людей. – Ты – ветеринар, тебе и надо следить. Или по молодости луну пасешь?

Все засмеялись, а Казыбай добавил, что надо бы проверить, законно ли составлены акты на пропажу скота. Орынбай покрылся холодным потом, кое-как договорил и решил, что этого пастуха надо остерегаться.

Они долго поглядывали друг на друга, и Орынбай никогда не думал, что придется ему бывать у Казыбая в гостях. Но вот же завернул однажды – чтобы увидеть Гульшат. О ней, кстати, впервые заговорила Айша, расписала красавицей, слов не пожалела, и Орынбай сначала только улыбался, а после заехал: хотелось убедиться, правду ли говорила Айша. Айша, оказалось, была права: действительно, красавица.

«Неужели я хочу отомстить Казыбаю? – вдруг спросил себя Орынбай. – Или же пошел на поводу у Айши? Нет, всё не то: не могу равнодушно смотреть на эту девчонку. Хотя было бы неплохо и рассчитаться с Казыбаем».

Ему вспомнилось, как, провозжая, Айша обняла его и сказала, что всегда надо брать лучшее. «Смелых не судят, – добавила она, хлопнув его легонько по спине, – смелых или уважают, или боятся».

Айша знала, что говорила, потому что прожила на свете сорок лет, повидала всякого и изучила людей. Осталась она по-прежнему привлекательной, улыбка у нее манящая, а глаза веселые. Она могла и приблизить к себе, и оттолкнуть, а если злилась, то даже сильные мужчины чувствовали себя ниже травы. Не зря сказали односельчане, что Айше надо бы родиться джигитом. В этих словах таилась доля правды. А вот муж её Шарип был человеком робким, о таких говорят, не отберет былинку даже у овцы. Казалось, навали на него сколько угодно работы – потянет и не пикнет. Да что работа, свались на него скала – и то промолчит: скот пасет, воду таскает, дрова рубит. Чай приготовит, жене нальет, а та одно знает: поругивает его, а если и улыбнется когда, то гостю, не ему. Правда, улыбка у нее такая иногда, что и не поймешь: тебе улыбнулась или своим мыслям.

Орынбая при знакомстве она выделила с первых же минут, но задумываться особенно он тогда не стал, полагая, что такое внимание всего лишь благодарность за списанного быка. Бык-то утонул под самым носом у Шарипа, и тому следовало бы за него платить, но Орынбай составил акт о пропаже.

Однажды весной он возвращался вечером с дальней фермы, промок насквозь, промерз и завернул к юрте Шарипа. Оказалось, сам Шарип уехал в город и еще не вернулся. Айша как раз уложила детей спать и в одиночестве пила чай. Он вошел и, увидев её, растерялся, не зная, что же делать, но Айша уже наливала ему пиалу, приглашала садиться.

– Сейчас приготовлю чего-нибудь, – говорила она, весело поглядывая на него. – Присаживайся.

– Не беспокойся, – остановил её Орынбай. – Согреюсь немного, отдохну.

– Как хочешь, кайным, – ответила Айша, улыбнувшись. – Ты – гость, а еда в моем доме найдется. Не то подумаешь, не угостила тебя как следует.

– Что ты говоришь! В вашем казане мясо не переводится, это все знают.

Он стал рассказывать, что сегодня делали прививки и чертовски устал, даже есть не хочется.

– Хлебни горькой водички, – предложила Айша, доставая водку. – Говорят, мужчины после этого быстро восстанавливают силы.

Орынбай ничего не ответил, но улыбнулся, чувствуя, что женщина нравится ему всё больше. Они долго сидели, разговаривали, но время шло к ночи, надо было спать. Айша убрала дастархан, приготовила постель, взглянула на гостя и дунула поверх стекла лампы-десятки. Пламя запрыгало и погасло, в юрте стало темно. Орынбай слышал, как Айша разделась, вздохнула и легла в постель. Несколько секунд он медлил, прислушиваясь, а затем пробрался наощупь к женщине и лег рядом.

– Кто это? – прошептала Айша так удивленно, что Орынбай даже испугался.

– Да я же, – пробормотал он неуверенно. – Я, Орынбай.

– Ну и что, коли ты, – снова прошептала Айша. – Иди ложись, тебе постелено.

Она говорила так сердито, что Орынбай смутился и подумал, что, пожалуй, надо встать и пойти на свое место, но тут же заметил – Айша подвинулась, словно бы приглашая проявить смелость. Он потянулся к женщине и встретил её руку, и тогда без сомнений юркнул под одеяло.

После той ночи Орынбай встречался с Айшой несколько раз, но продолжаться долго это не могло: соседи стали поговаривать, что ветврач зачистил в дом Шарипа. А тут еще и Айша поругалась с женой зоотехника, кинулась за поддержкой к Жамиш, но та напрямик сказала, что не годится замужней женщине привечать в доме холостого джигита, и напомнила о прошлом. Они стали встречаться всё реже, а однажды Айша сказала, чтобы он не появлялся в их юрте без дела, и посоветовала чаще навещать жену. Откуда она узнала, что Орынбай женат? Неизвестно. Орынбай пропустил эти слова мимо ушей, кивнул и ушел.

Что говорить, Айша ему нравилась, и не однажды он ловил себя на том, что думает о ней. Днем это как-то забывалось, а вечерами мысли снова возвращались к ней. Орынбай долго не засыпал, думая о том, что дорого заплатил бы за то, чтобы Айша оказалась рядом... Однажды мысли о женщине привели к тому, что над ним вволю посмеялись. Он тогда заночевал на дальней ферме. Спать легли на полу, и во сне ему приснилась Айша, он обнял её... Рядом спал бригадир, и надо было слышать, как он закричал. Всполошились пастухи, зажгли свет, и когда разобрались, смеялись до колик в животе. Рассказ об этом обошел всех, и бывало, кто-нибудь поддевал Орынбая, спрашивая, где он будет ночевать. Орынбай зло отмахивался...

Иногда ему приходило в голову, что и действительно, надо бы бросить думать об Айше, сесть на коня и поскакать к жене. Он ведь и женился не так давно, месяцами её не видел, но домой не хотелось.

До полудня Орынбай пробыл на ферме, а затем возвратился в аул. Проезжая мимо юрты Шарипа, увидел Айшу, поздоровался. Она ответила и попросила остановиться. Орынбай, обрадовавшись, придержал коня.

– Что хорошего скажешь? – спросила Айша, улыбаясь. – Есть чем похвастать?

– Был на ферме, – ответил Орынбай, глядя в глаза женщине. – Там – ничего нового... Коровы, пастухи.

Он сказал так, словно бы не понял её вопроса, и даже посмеялся.

Айша не ожидала такого поворота, взглянула мимо него и проговорила лениво, словно бы её это и не интересовало:

– Вон твоя красавица, видишь, скачет, как дикая козочка. Так и хочет, чтоб ты её догнал. Ну, что стоишь! Только трусливые ничего не имеют, – добавила и хлопнула лошадь по шее. – Пошел! Смелым принадлежит всё...

Мухортый повернулся, и Орынбай увидел, что Гульшат бежала по пастбищу к речке. Красный платок скрылся на минуту в густых камышах, затем снова появился. Орынбай тронул коня и неторопливо поскакал туда. Ему хотелось сразу перейти в галоп, чтобы скорее догнать, но этого-то он сделать и не мог: вокруг были люди, и каждый, увидев несущегося галопом всадника, подумал бы, что стряслось какое-то несчастье. Нет, Орынбай не совершит такой ошибки... Сначала он подумал, что теперь-то заставит Гульшат говорить: теперь-то он не будет её пугать, скажет, что давно любит... Но тут же в голову пришла другая мысль: здесь, на безлюдье, в густых камышах можно было и не церемониться: Гульшат попала в западню. Отъехав подальше, когда с джайляу его не было видно, он крикнул на коня, гикнул и понесся во весь дух. Влетел в камыши, потеряв на секунду красный платок из виду. Метелки камыша били его по лицу, как бы говоря: «Остановись! Остановись!» Но Орынбай уже ничего не слышал.

Айша проводила взглядом Орынбая, что-то похожее на ревность кольнуло её, но она посмеялась над собой и довольно сказала:

– Пусть! Я хочу видеть, как Казыбай измочалит камчу о спину своей порядочной жены. Ей больше не захочется вспоминать о моем прошлом. Пусть!

Она повернулась и пошла в юрту, подумав, что всё теперь в руках Всевышнего.

А в прошлом у Айши, действительно, было много такого, чего она не хотела бы вспоминать – и Сабырбай, бросивший её и уехавший учиться в город, и другой джигит, в объятия к которому она бросилась, наверное, от отчаянья. Она помнила, как было стыдно смотреть людям в глаза, когда стал расти у нее живот. Она отчаялась и готова была ухватиться за кого угодно. Тогда судьба и послала ей Шарипа, этого терпеливого трудягу. Но пятно осталось на всю жизнь. И вот Жамиш напомнила об этом, вызвав в душе Айши злобу и жажду мести.

IV

Жамиш, словно почувствовав что-то недоброе, затревожилась о племяннице, ей вспомнилось, как та закричала ночью. Зачем она отпустила Гульшат одну на пастбище? «И зачем я отправила её, пропади трижды этот теленок... – ругала она себя. – Для нас Гульшат ребенок, а для чужого взора – невеста. Попадется джигит какой, станет заигрывать. Недалеко и до беды: позабавится, а бедной девушке позор на всю жизнь...»

Собственные мысли испугали Жамиш больше, чем предчувствие. Не успела подумать, как уже в это поверила и выскочила на пригорок. Внимательно всматривалась в зелень пастбища, в заросли камыша, осмотрела холмы. Слева пестрело стадо коров, чуть правее кто-то мчался во весь опор, будто бы дьявол за ним гнался. Жамиш, продолжая высматривать Гульшат, подумала: «Что это всадник не жалеет животину при такой жаре?» И тут же узнала: Орынбай! Повела глазами дальше и увидела красный платок Гульшат.

Жамиш пулей влетела в юрту и напустилась на мужа:

– Чего лежишь! Гульшат ушла за теленком и до сих пор не вернулась! Заблудилась или что... Сейчас же скачи!

– Чтоб тебе пусто было! – откликнулся недовольно Казыбай. – Ребенок приехал отдышаться, а ты гоняешь её...

Он говорил спокойно, но слова жены встревожили его, поэтому решался недолго.

– Я собралась сама идти, но она пристала...

– Сама! – зло передразнил Казыбай и выскочил из юрты.

Через минуту Жамиш услышала конский топот.

Ей вспомнилось, как она радовалась приезду Гульшат. Она ведь соскучилась, потому и выбежала ей навстречу с объятиями. С этого дня ей даже джайляу казалось краше. Возвращаясь с пастбища, она пела, так ей радостно было от мысли, что у нее в юрте племянница. О ней хотелось говорить с соседями, хотелось, чтобы все знали, какие дети воспитываются в их роду. Готовилась к знаменитому вечеру, ждали ведь только приезда Айбата. И теперь всё могло рухнуть.

«Только бы всё было хорошо, – молилась она. – Отведи от девочки всякие беды...»

В юрте ей теперь не сиделось, и она снова вышла на пригорок. Казыбай был уже далеко. И тут словно бы кто повернул её голову – она увидела Айшу. Та стояла перед юртой, будто знала, что Жамиш выйдет. Жамиш показалось, что Айша как-то издевательски ухмыльнулась, словно бы знала что-то, затем повернулась и вошла в юрту.

У Жамиш кольнуло сердце, подумалось о том, что Орынбай похаживал к этой бесстыжей женщине, и вспомнилась прошлогодняя ссора Айши с Киякбаем. В конце концов Айша погубила Киякбая: три дойные коровы исчезли бесследно среди бела дня, будто сквозь землю провалились. Где только не искал Киякбай, куда только ни забирался. Всё напрасно. Люди поговаривали, что их украл Шарип, но доказать-то никто не мог, а прибывший следователь походил по камышам да с тем и уехал. Киякбай продал юрту, рассчитался с колхозом и подался искать лучшей жизни. Айша только посмеялась, словно бы говоря, что пострадал Киякбай из-за её проклятия.

«Не надо было связываться с этой вздорной Айшой, – подумала Жамиш. – От нее всегда только беды...» И она, напрягая зрение, всматривалась в зелень пастбищ, где неслись во весь дух два всадника и мелькал красный платок.

V

Добравшись до Аккешпе, Гульшат стояла несколько минут и любовалась открывшимся видом. Прямо перед нею зеленела широкая долина, сверкала на солнце вода речки. Дно её было песчаным, чистым, поэтому люди и называли её Аккешпе – Белая Переправа. Слева от Аккешпе росли камыши, за ними начинались песчаные холмы. Трава там была победнее, и они выглядели пятнисто-желтыми. Справа тоже тянулись камыши и уходили далеко, туда, куда бежала Аккешпе – за горизонт.

Красота была вокруг, чистота и покой. И Гульшат пожалела, что нет рядом с нею никого, кому бы она показала вот эти холмы, камыши, сверкавшую Аккешпе. Она подумала, как хорошо, что есть у нее дядя и тетя, у которых всегда можно погостить, двоюродный брат Айбат, который должен скоро приехать, и тут же вспомнились одноклассники. Гульшат не говорила даже матери, что весной два мальчика признались ей в любви. Конечно, если бы это произошло года два назад, она высмеяла бы их, пригрозив, что расскажет учителю, но теперь... Особенно ей понравилось письмо Асана, учившегося в параллельном классе. Отвечать на письма она не стала, но несколько дней ходила сама не своя. Легко было и радостно, и после она поняла, что изменилось в ней что-то. Как-то после уроков к ней подошел Асан и сказал, что им надо поговорить. Она кивнула, пообещав в семь вечера подойти к кинотеатру. Асан сказал, что будет ждать, и они расстались. Гульшат стало немного смешно, потому что она всё же схитрила: она должна была пойти к подружке, а кинотеатр оказывался как раз по дороге.

В тот вечер они говорили минут десять, не больше, но Асан прочитал ей свои стихи и спросил, отчего она не ответила на письмо. Раньше она бы рас-

сердилась, а теперь, теперь похвалила стихи и призналась, что письмо ей тоже понравилось.

– Давай дружить? – предложил обрадованный Асан. – Все в классах... встречаются.

– Я – не все, – подумав, ответила она, засмеялась и убежала.

Асан, наверное, выглядел очень растерянным, и ей даже стало жаль его. И вот теперь ей пришло в голову, что именно Асану она показала бы родные места. Но он был далеко, и она вздохнула. Впрочем, думала она об этом мгновение, забыла тут же и стремглав понеслась дальше, к камышам. Влетела в них с разгону и вдруг резко остановилась: вот глупая! Она так забылась, что слишком далеко забралась искать пропавшего теленка.

Услышав конский топот, она оглянулась, отчего-то сразу подумав: «Не Орынбай ли?» Долго всматривалась в несущегося к ней всадника. От порыва легкого ветерка зашевелился камыш, и ей послышалось: «Орынбай! Орынбай!..» Это и впрямь был он. Гульшат захотелось закричать, как ночью, но она поняла, что здесь крик её не спасет. Ей стало страшно и как-то пусто в груди, будто бы Орынбай уже поймал её и хватал своими сильными и грубыми руками. «Нет! – прошептала она. – Нет!» И, сорвавшись с места, понеслась по камышам, но тут же подумала, что Орынбай настигнет её через минуту. На бегу оглянулась, увидела, что Орынбай скачет ей наперерез, и упала в камыш. Лежала, боясь шевельнуться, и шептала мысленно: «Нет! Нет! Нет!» – как заклинание. И не то чтобы увидела, но услышала, как в десяти метрах промчался Орынбай. Он не заметил её.

Обрадовавшись, что перехитрила, она вскочила на ноги и побежала дальше. Ей бы только успеть до оврага, а затем по сухому руслу до Костюбе. После она выскочит на гребень и... Там через луг и – джайляу. И не успела она додумать, как увидела Орынбая совсем рядом. Он летел на нее коршуном, лицо его исказила гримаса какого-то дикого смеха...

Метров за десять Орынбай соскочил с коня, бросил повод и стал медленно подходить к Гульшат. Она застыла от страха, затравленно оглянулась в поисках спасения. А Орынбай ступал еще медленнее, вот он протянул руку, чтобы схватить её...

– Не прикасайся! – закричала она изо всех сил. – Прочь!

Увернулась от Орынбая и кинулась бежать.

– А-а! – взревел тот. – Задумала поиграть со мною!

Он кинулся вслед, разбрасывая в стороны камыш и стараясь не упустить девушку из виду. Всё же она успела отбежать порядочно, красный её платок мелькал между метелками камыша. Орынбай был уверен, что догонит, но, кинув взгляд на гребень, заметил всадника. «Казыбай!» – решил он и почувствовал, как ноги будто бы приросли к земле, а в голове пронеслось то, что он помнил с весны.

Тогда делали прививки, и вот здоровенный бык не давался, изводил пастухов и никак не хотел заходить в раскол. Одного он едва не подцепил рогами, и если бы не Казыбай, успевший схватить его за хвост, то не быть бы бедолаге живым. Бык остановился, подчиняясь Казыбаю, но тут же рванулся вперед. А Казыбай взял и отпустил его. Бык не ожидал такого подвоха, упал на передние ноги. Казыбай мигом оказался впереди и, схватив за рога, подвернул быку шею...

И вот теперь, увидев Казыбая на гребне сопки, Орынбай, не раздумывая, пригнулся и побежал в другую сторону, но тут же остановился – а вдруг это и не Казыбай? Снова взглянул. Никакого всадника не было вовсе. «Мерещится, – решил он и кинулся за Гульшат. – Надо догнать её, догнать!..»

А красный платок был далеко.

VI

Слова жены встревожили Казыбая, он скакал по пастбищу, пристально всматриваясь в заросли камышей, но пока что нигде не видел Гульшат. Да и как её увидишь, если камыши вымахали выше человеческого роста. Коровы проторили сотни троп, узнай, по которой из них ушла племянница.

Брови Казыбая были нахмурены, он мысленно ругал жену и думал о сестре – что он ей скажет, если произойдет какое несчастье. Она отправила дочь к нему, надеясь, что он присмотрит за нею, а он...

Казыбай остановил коня, привстал на стременах и, приложив руку к глазам, стал всматриваться. Слева виднелось стадо коров, правее – лошади, но Гульшат не было видно нигде. Он постоял и поскакал дальше, решив, что надо взять правее – на холм, чтобы было получше видно. Он взлетел на холм и снова стал смотреть вокруг. «Надо её позвать! – пришло ему в голову. – Она услышит и отзовется!»

– Гульшат! – закричал он. – Гульша-а-т!

Прислушался, но вокруг было тихо, и он помчался дальше.

VII

Гульшат проскочила овраг и, не чувствуя под собою ног от страха, понеслась дальше. Она задышалась и выбилась из сил. Если она перевалит через гребень и проскочит камыш, то окажется на чистом месте. Там должен быть кто-то из пастухов – и она спасена. Неожиданно она споткнулась и упала как подкошенная, вскочила, успела сделать несколько шагов и поняла, что Орынбай догнал её.

– А-а-а! – закричал он, схватив её с разгону за локоть. – Хотела убежать!

Гульшат дернулась, пытаясь вырваться, но рука Орынбая была крепкой. Она резко повернулась к нему:

– Агажан! Отпустите! – взмолилась, задыхаясь. – Какая моя вина!

– Я те-бя люблю...

Передохнул, зачем-то огляделся и добавил несколько слов о какой-то мечте. Гульшат мало что поняла, со страхом смотрела в лицо Орынбая. А тот притягивал её всё ближе...

– Пусти! – крикнула Гульшат и попыталась вырваться.

Орынбай только оскалился и легко опрокинул её на землю.

– Гульшат! – послышался крик. – Гульша-а-а-а-т!

Орынбай кинулся к камышам и мгновенно исчез. Но тут же снова появился, раздвинув стебли, секунду смотрел на девушку и зло сказал:

– Всё равно от меня не уйдешь! Всё равно...

Но тут снова послышался голос Казыбая, и он пропал в камышах, которые покачались и успокоились. Гульшат понимала, что если она сейчас откликнется, то дядя увидит её и примчится. Показаться в таком виде она не могла, сидела среди камыша и плакала, горько и безутешно. Плакала так, словно бы жаловалась всему белому свету, и показалось ей, что она совсем одна. После, отплакавшись, поглядела на свои израненные ноги, встала, оправила платье и побрела домой.

– Солнышко мое! – сказала Жамиш обрадованно, встретив племянницу далеко от юрты. – Солнышко, – повторила она, обнимая Гульшат. – Зачем я тебя отпустила!..

– Всё хорошо, тетя, – сказала девушка. – Немного испугалась, вот и всё.

– Кто тебя испугал?

– Орынбай, – ответила Гульшат, чувствуя, что сейчас заплачет, и ткнулась лицом в ладони тети. – Он такой...

– Мерзавец! – не удержалась от ругани Жамиш. – Изверг! А мы его привечали, за порядочного считали... Чувствовало мое сердце. Давай быстро переоденься, – посоветовала она, понимая, что сколько ни ругай Орынбая, он лучше от этого не станет. – Сейчас дядя прискачет... Умойся, переоденься, и сделаем вид, что ничего не произошло. Ты уже не маленькая.

Гульшат так и сделала, и едва успела накинуть другое платье, как появился Казыбай.

– Где Гульшат?

– Дома, – ответила жена даже с некоторым удивлением. – Где же ей быть!

Казыбай спешил и вошел в юрту. Увидев племянницу, он успокоился, но на жену поглядывал всё еще тревожно, как бы говоря: «Знаю я, всё знаю!» И только после, когда сели пить чай, сказал вдруг:

– Приготовь Гульшат в дорогу, завтра пойдет машина в город.

– Что за спешка? – удивилась Жамиш. – Пусть пока отдыхает, время еще есть.

– Какой там отдых, – возразил Казыбай, и чувствовалось, что решение его бесповоротно. – Да и по матери соскучилась, не так ли, дочка?

– Очень, – ответила Гульшат. – Сегодня мне даже снилось, что приехала домой.

– Вот видишь! – шутливо воскликнул Казыбай. – Сон в руку! Так что завтра Айбата проведем, а после вы вместе с ним приедете к нам.

Гульшат вышла из дома и посмотрела туда, где виднелась дорога, по которой она приехала сюда, а теперь машина по ней же увезет её домой. Дорога петляла белой полоской среди зелени, переходила за Аккешпе, а дальше терялась в мареве. Гульшат долго смотрела, так долго, что на глаза навернулись слезы. Она смахнула их и стала думать о том, как приедет домой, увидит мать, подружек, и поняла, что ей хочется ехать прямо сейчас, немедленно.

Перевод с казахского В. Степанова